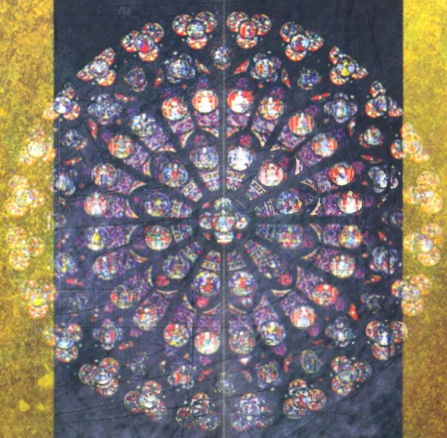

ЮЛИУС ЭВОЛА

ГЕРМЕТИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ

TERRA FOLIATA

ЮЛИУС ЭВОЛА

ГЕРМЕТИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ

ВОРОНЕЖ
2015

TERRA FOLIATA

УДК 821.161.1-4
ББК 84 (2=411.2) 6-4
Э 11

Перевод и предисловие Г. Бутузова
Общая редакция Д. Зеленцова
Оформление обложки С. Сокола

Издание второе, исправленное и дополненое

Эвола, Юлиус
Герметическая традиция. – Воронеж: TERRA FOLIATA, 2015. – 272 с.

Книга, которую читатель держит в руках, представляет собой фундаментальное изложение теории и практики Царского Искусства, вышедшее из-под пера известного итальянского мыслителя и эзотерика барона Юлиуса Эволы. Она стала итогом многолетних исследований и практических занятий автора, объединив в двух своих частях – озаглавленных, соответственно, «Теория» и «Практика» – интегральный опыт его общения с представителями различных инициатических организаций, собственных экспериментов и бездны прочитанной литературы. С присущей ему эрудицией и интуицией, характерной для аристократов крови и духа, Эвола рассматривает алхимию в широком контексте магических дисциплин и показывает подлинную суть герметического Делания как реального инициатического пути, ведущего к освобождению от обусловленности человеческого существования.

ISBN 978-5-4420-0356-7

© Г. Бутузов, перевод, предисловие, 2010, 2015
© TERRA FOLIATA, издание на русском языке, 2010, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Г. Бутузов. Белый плащ и путь Киновари 5
Предисловие 20
ЧАСТЬ I. СИМВОЛЫ И УЧЕНИЕ 26
Введение. Дерево, Змея и Титаны 27
Глава 1. Множественность и двойственность цивилизаций 40
Глава 2. Живая природа 42
Глава 3. Герметическое знание 44
Глава 4. «Всеединство». Дракон Уроборос 47
Глава 5. Герметическое «присутствие» 50
Глава 6. Творение и миф 54
Глава 7. «Женщина», «Вода», «Меркурий» и «Яд» 56
Глава 8. Разделение. «Солнце» и «Луна» 59
Глава 9. Замёрзшие Воды и текучие Воды 62
Глава 10. «Соль» и Крест 65
Глава 11. Четыре Стихии. Сульфур 67
Глава 12. Душа, Дух и Тело 70
Глава 13. «Четверица» в человеке 73
Глава 14. Планеты 78
Глава 15. Жизненные центры 83
Глава 16. Седмица, операции Делания и Зеркало 87
Глава 17. Золото в Искусстве 91
Глава 18. Тень, угли и осадок 93
Глава 19. Философский инцест 98
Глава 20. «Могила» и «жажда» 101
Глава 21. Сатурн, или перевёрнутое Золото 106
Глава 22. Поле и семя 112
Глава 23. Меч и роза 114
Глава 24. Стебель, Вирус и Железо 118

ЧАСТЬ II. ГЕРМЕТИЧЕСКОЕ «ЦАРСКОЕ ИСКУССТВО» 121
Введение. Реальность палингенеза 122
ГЕРМЕТИЧЕСКИЕ ОПЕРАЦИИ 129
Глава 1. Разделение 130
Глава 2. Смерть и Работа в чёрном 135
Глава 3. Испытание бездной 140
Глава 4. Полёт Дракона 143
Глава 5. Сухой путь и влажный путь 146
Глава 6. Герметическая аскеза 149
Глава 7. Путь Дыхания и путь Крови 153
Глава 8. Сердце и Свет 157
Глава 9. Обнажения и затмения 160
Глава 10. Жажда Бога и «едкие воды» 164
Глава 11. Путь Венеры и радикальный путь 169
Глава 12. Виды герметического Огня 174
Глава 13. Работа в Белом. Перерождение 178
Глава 14. Конъюнкция в Белом 181
Глава 15. Вечное бодрствование 184
Глава 16. Тело света. Получение Серебра 186
Глава 17. Рождение в Жизнь и бессмертие 195
Глава 18. Работа в Красном. Возвращение в Землю 201
Глава 19. Алхимические цвета. Умножение 206
Глава 20. Иерархия планет 211
Глава 21. Знание «Красного». Триединство 219
Глава 22. Пророческое знание 226
Глава 23. Четыре степени могущества 229
Глава 24. Трансмутация металлов 233
Глава 25. Соответствия, времена и ритуалы 241
Глава 26. Молчание и традиция 247
Глава 27. Невидимые Мастера 252

БЕЛЫЙ ПЛАЩ И ПУТЬ КИНОВАРИ

Предисловие переводчика

Утром 11 июня 1974 года в самом центре Рима, на Корсо Витторио Эмануэле, что пролегает между Кампо деи Фьори и Пьяцца Навона, в доме под номером 197 парализованный пожилой человек попросил поднять его с постели и усадить в каталку. Он подъехал к письменному столу, стоящему у окна, за которым видна река, а вдали зеленеет вершина холма Яникул, и стал смотреть, как солнце совершает свой круг над великим городом. Он знал, что это его последний день, и хотел встретить смерть, как подобает воину. Он не мог встать, но мог сидеть в своей колеснице, со своим главным оружием – пером и бумагой. Вскоре после того, как солнце начало клониться к западу, сердце старого воина замерло навсегда. Так закончил свой земной путь барон Юлиус Эвола, маг и философ.

Если вышеописанная сцена извлекла из струн вашей души несколько романтических или сентиментальных нот, лучше поменяйте строй. Ни для чего сентиментального, «душевного» или «гуманистического» не было места ни в жизни барона, ни в его произведениях. Он принадлежал духовной касте *кшатриев* и прожил жизнь как воин; его повседневное существование вполне соответствовало кодексу Бедного Рыцарства Христова[1] с одной лишь оговоркой: он не был христианином (хотя, как известно, упомянутый орден тоже не слишком преуспел в защите христианских паломников).

На победном карнавале духовной профанации, политических, оккультных и философских химер, под музыку которых начал своё шествие XX век, всё же были мыслители, способные противостоять его основным направляющим силам, несмотря на исторические катаклизмы и перипетии личной судьбы, кои продолжали указывать на ложные ценности и фальшивых пророков, даже когда объекты их указания принимали форму замкнутого вокруг них кольца; их было немного, и одной из самых заметных фигур на этом островке несгибаемого духа стал Юлиус Эвола. Для всех тех, кто впервые открывает книгу данного автора, я хотел бы повторить слова, которыми он предварял многие свои работы: «эта книга не для всех». Язык изложения во всех произведениях Эволы ясен и точен, структура вполне академична; в определённом смысле все они представляют собой учебни-

ки. Что же тут «не для всех»? Содержание. Если вспомнить, что книги являют собой духовную пищу, то блюда, предлагаемые Эволой, многим могут надолго испортить желудок. Очень трудно определить тот тип читателя, для которых его работы станут настоящим откровением или даже в корне изменят их жизнь и мировоззрение (чему за последние полвека было несколько ярких примеров); можно сказать только одно: этот тип человека является в современном обществе скорее исключением, чем правилом. Он внутренне принадлежит другому миру, даже если не помнит об этом, и книги Эволы могут оказать на него действительно магический эффект – как напоминание, далёкая знакомая песня, прохладное дуновение в лицо страннику, уснувшему на острове сирен. И указание дороги тем, кто уже приоткрыл глаза.

Творчество Юлиуса Эволы, в целом представляющее собой не просто набор написанных в разное время и по разным поводам книг, но символ, как он эксплицитно признал в своей автобиографии,[2] лучше рассматривать, начиная именно с *Герметической традиции*. Предшествующая этой работе *Теория и феноменология абсолютного индивидуума* была закончена в 1924 году;[3] по словам самого Эволы, будучи спекулятивной философской работой, она служила своего рода «философским введением в нефилософский мир, имеющим значение в качестве того редкого случая, когда современная философия открывает путь глубокому экзистенциальному кризису».[4] Можно ли представить себе, чтобы «абсолютный индивидуум», скажем, занял кресло университетского преподавателя? Как всякий нормальный буржуа был поглощён ипотечными выплатами, ремонтом гаража, неверностью супруги и при этом, приходя по утрам на работу, рассказывал студентам об абсолютной свободе? Комичность этой ситуации была ясна Эволе с самого начала, и следующий его шаг был совершенно логичен: к удивлению тех, кто прочил ему «будущее» в качестве профессионального философа (как Бенедетто Кроче), и тех, кто высказывал опасения по этому же поводу (как Рене Генон), он отказался от каких-либо дальнейших спекулятивных построений и обратился к инициатической практике, то есть к тому, что выходит за пределы философии и чему положения его философской системы служили фактически пролегоменами, причём имеющими смысл постольку, поскольку человек испытывает необходимость в таком предисловии: «что касается тех, кто уже находится на другом берегу, такая

философская пропедевтика в терминах «современной мысли» является совершенно излишней».[5]

Последующий период вплоть до публикации *Герметической традиции* в 1931 году был ознаменован для Эволы некоторыми важными знакомствами и встречами, значение которых для всего его последующего творчества стало определяющим и анализ каковых гораздо более полезен для понимания его мировоззрения, чем события, составляющие «биографию» человека в обычном смысле этого слова. Естественно, упоминание о Рене Геноне будет излишним; знакомство с ним вызвало у Эволы буквально «органическое перерождение» всего его существа и, по сути, ознаменовало для Эволы начало его пути как последователя Традиции. Однако, в рамках данной статьи для нас важно отметить, что знакомством этим он обязан Артуро Регини, весьма интересной и во многом недооцениваемой фигуре итальянского традиционализма, человеку, чьё влияние на круг интересов Юлиуса Эволы в этот период трудно переоценить.

Артуро Регини родился 12 ноября 1878 года во Флоренции в аристократической семье. Его философская (в изначальном значении этого слова) биография началась в юности, когда он поступил в университет города Пизы на факультет математики. Как-то раз к нему подошёл незнакомый высокий и худой студент и сообщил, что Регини избран кандидатом на посвящение в тайную пифагорейскую школу, носящую название *Schola Italica.* Незнакомца звали Амедео Арментано (1886-1966), и он был известен во Флоренции как блестящий философ, при этом обладающий сверхъестественными психическими способностями. Как позднее вспоминал сам Регини, благодаря Арментано он прошёл посвящение в самом полном смысле этого слова и перешагнул порог смерти буквально, а не в качестве условной церемонии. В 1896 году Регини познакомился в Риме с Изабеллой Купер-Оукли, послом Е.П. Блаватской в Италии, а два года спустя, будучи двадцатилетним молодым человеком, он стал одним из основателей Теософского Общества в этой стране. Однако вся дальнейшая жизнь Артуро Регини прошла под знаком масонского братства.

В 1902 году Регини (конечно, по рекомендации Арментано) вступил в Орден Мемфиса и Мицраима, а в 1903-м стал членом Великого Востока Италии. Через два года на основе флорентийского отделения Великого Востока Регини и несколько других братьев создали Ложу Люцифера. В 1908-м в составе группы «диссидентов», руководимых

священником-протестантом, Регини официально порвал с Великим Востоком, объяснив свой уход несогласием с материалистической и политизированной направленностью этой организации; мятежная группа основала свою ложу со штаб-квартирой на Пьяцца дель Джезу в Риме. В составе новой организации Регини предпринял попытку объединить расколотое масонство под эгидой возврата к духовным корням братства и учредил Итальянский Философский Устав. Его градусы представляли смесь элементов пифагорейства и гностицизма. Однако, деятельность организации была прервана Первой мировой войной (Регини, как и Эвола, принимал участие в боевых действиях); позднее, в 1919 году, Философский Устав слился с Великой Ложей Шотландского Устава, и в дальнейшем к идее реформации масонства Регини стал относиться с большой долей скепсиса, однако оставался верен масонским идеям до конца.

Следует сказать несколько слов об истории итальянского масонства. Первая ложа была основана в 1730 году во Флоренции при участии Чарльза Сэквилла, графа Миддлсекского, Сэра Чарльза Манна и Генри Фокса. Именно связи с английскими протестантами стали причиной издания Папой Климентом XII в 1738 году буллы *In Eminenti*, запрещавшей католикам участие в масонских ложах. Об этом документе сам Регини писал так: «Следствием папского запрета стало враждебное отношение к масонам во многих странах, и тогда масонству пришлось принять форму тайного общества в качестве необходимой самообороны. Тем не менее, оно никогда не было сектантским, и его ритуалы всегда отличались терпимостью, широтой взглядов и независимостью».[6] Великий Восток Италии был организован в 1859 году. В 1864-м во Флоренции состоялся первый Конгресс Вольных Каменщиков Италии, на котором Великим Мастером был избран Джузеппе Гарибальди. Это произошло в разгар так называемого *Risorgimento*, то есть «возрождения», каковое, фактически, представляло собой буржуазную революцию в самом точном смысле слова и в гораздо большей степени, чем Французская Революция. В этот период масонство стало весьма привлекательным для среднего класса; кроме того, вполне вероятно, оно служило единственным средством объединения сторонников таких разных направлений как монархисты, республиканцы, ведомые Мадзини, и «краснорубашечники» Гарибальди. В итоге, к концу XIX века масонство стало, по сути, инструментом правящей верхушки и, утратив свою независимость и де-

мократичность, превратилось в постоянную мишень для упрёков в ангажированности и коррупции. Судя по всему, именно этот фактор лёг в основу того отрицательного отношения к масонам, которое Муссолини выказывал в период своей деятельности в Социалистической партии, и каковая враждебность вновь всплыла на поверхность, когда он уже был фашистским лидером – несмотря на то, что среди фашистской элиты были члены масонских лож.[7] Однако, следует отметить, что несмотря ни на какие политические перипетии и весьма пессимистическую общую картину, в итальянском масонстве всегда было сильно эзотерическое направление, корни которого уходят в далёкое прошлое, на много веков предшествующее официальному началу масонского движения в этой стране. Сохранились упоминания, что в период царствования Елизаветы I, Сэр Томас Бодли был посвящён в Пифагорейское Братство *Fratelli Obscuri* в североитальянском городе Форли. Это братство предположительно происходило от пифагорейских обществ Константинополя и Фессалоник, бежавших в Италию в период падения греческой империи. И этот пример не единственный; в Италии были и другие отделения греческих инициатических организаций, существование которых в этой стране связано с гильдиями, а затем с масонством. Таким образом, претензии Мемфиса и Мицраима на связь с подлинной пифагорейской традицией имеют под собой действительные основания (следует также напомнить, что у истоков ордена стоял Калиостро).

После переезда в Рим Регини внимательно следил за развитием политических событий и был сторонником Муссолини и его партии; он приветствовал образование фашистского правительства в 1922 году, поскольку считал, что это приведёт к окончательному и бесповоротному объединению нации, о котором он мечтал; он также надеялся, что его Пифагорейская школа воспитает в рамках масонства новую итальянскую элиту. В этот период и произошло его знакомство с Юлиусом Эволой.

В Риме Регини начал издавать журналы *Atanòr* (1924) и *Ignis* (1925), посвящённые Традиции и вопросам эзотерических учений. В одном из первых номеров «Атанора» была опубликована статья Эволы *La Potenza come valore metafisico* («Сила как метафизическая величина»), посвящённая Тантре, которая указывает на обоюдный интерес Эволы и Регини к этому учению, о чём мы ещё скажем ниже. Благодаря усилиям Регини, первые издания *Эзотеризма Данте*

(*L'Ésoterisme de Dante*) и *Царя мира* (*Le Roi du Monde*) Генона появились в Италии ещё до их официальной публикации во Франции (в 1925 и 1927 годах соответственно). В этот период идейная связь Генона, Регини и Эволы особенно крепка – их связывает переписка, личное общение, совместные публикации и планы.

Тучи стали сгущаться два года спустя, когда в Италии был издан декрет, согласно которому член фашистской партии не мог быть масоном. Муссолини начал сближение с католичеством, и один из религиозно-ориентированных журналов тут же опубликовал жёсткую статью против масонства, основываясь на том, что масонство интернационально и, следовательно, не представляет интересы итальянского народа. Регини ответил статьёй, указывающей на важную роль, которую масонство сыграло в *Risorgimento*, а также в становлении фашизма. Однако единственным эффектом этой статьи стал факт окончательного и бесповоротного зачисления Регини в ряды диссидентов и противников существующего режима. Его друг и инициатор Арментано понял всю безнадёжность ситуации и отбыл в Бразилию. Позиция Эволы была двойственна: с одной стороны, он был противником сближения с католической церковью, на путь которого стал Муссолини, с другой – к его негативному восприятию масонства, каковое он считал прерогативой низших каст, прибавились политические мотивы, и в этом, по сути, он стал на сторону правительства. В ноябре 1925 года в Риме и других городах начались настоящие репрессии против масонов; вскоре все ложи были распущены и штаб-квартиры закрыты. В 1928-м Регини оказался отовсюду уволен и мог зарабатывать на жизнь только частными уроками математики. В течение последующего года отношения между ним и Эволой неуклонно ухудшались, в основном на почве взглядов на роль масонства (свою позицию Эвола окончательно сформулировал в книге *Il Mystero del Graal* семью годами позднее), что привело к окончательному разрыву между ними и распаду группы «Ур» (о ней ниже).

Как мы уже упоминали, 1924 год был ознаменован для Эволы и Регини интересом к учению Тантры. Человеком, сыгравшим в этом ключевую роль, переписку с которым Эвола вёл в течение нескольких последующих лет, был Сэр Джон Вудроф (1865-1936), известный под псевдонимом Артур Авалон. Сэр Джон был старшим сыном Джеймса Тисдэлла Вудрофа, генерального адвоката Бенгалии (т.е. юрисконсульта Британской Короны по военному праву в регионе), также

одно время члена правительства Индии. Он получил образование в Оксфорде, который закончил с дипломом бакалавра гражданского права, после чего отправился в колонии и с 1890 года начал работать адвокатом в Верховном Суде Калькутты. Здесь и произошло событие, повлиявшее на его дальнейшие занятия и представляющее интерес для нашего изложения. Согласно воспоминаниям Джона Мамфорда, однажды утром в суде Сэр Вудроф пытался разобраться с одним не слишком сложным делом, однако никак не мог сосредоточиться на представленных ему документах. Через некоторое время слуга сообщил ему, что в приёмной сидит садху-тантрика, нанятый стороной обвинителя, и читает *мантру, затуманивающую мысли*. Сэр Вудроф вышел в приёмную и увидел вымазанного золой садху, который сидел на полу и тихо напевал на санскрите. Он попросил охранника вывести подозрительного посетителя, после чего мысли Сэра Вудроффа немедленно прояснились. С этого дня Тантра заинтересовала его настолько, что в течение последующей жизни он перевёл и откомментировал около двадцати классических тантристских текстов, написал несколько имеющих значение и по сей день исследований Тантры и послужил источником знания в этой области для многих учёных, оккультистов и подлинных посвящённых, среди которых следует назвать и Юлиуса Эволу. Его активная переписка с Сэром Вудрофом в середине двадцатых годов, во-первых, послужила принятию Эволой многих тантристких принципов в качестве основы его метафизики (что видно уже из полемики с Геноном, возникшей после публикации *Человека и его становления согласно Веданте*),[8] и во-вторых, способствовала написанию им нескольких статей, посвящённых Тантре,[9] а затем и книги,[10] которая, на наш взгляд, является одной из лучших западноевропейских работ на данную тему. В связи с этим следует отметить, что, хотя рассматриваемая нами *Герметическая традиция* и не содержит ссылок на тантристские источники, моменты, характерные для этой школы духовного делания в ней отчётливо прослеживаются.

Согласно признанию самого Эволы, в период подготовки книги наибольшее влияние на него оказали исследования Артуро Регини и публикации, которые в этот период появлялись в геноновском журнале *Le Voile d'Isis*[11] (в начале двадцатых годов в нём вышли работы по алхимии Жолливе-Кастело, Кутюра, Делобеля, Сен-Жермена). При этом Эвола умалчивает о некоторых других событиях и влияниях,

каковые, тем не менее, стоят того, чтобы их проследить. Мы уже упоминали Сэра Вудрофа, о котором Эвола весьма тепло отзывается во многих местах; однако, кроме него и Регини в период создания *Герметической традиции* у Эволы были и другие учителя, о коих он умалчивает по причине их нежелания себя афишировать. Для того, чтобы проследить их идентичность, нам придётся обратиться к истории группы «Ур».

В начале 1927 года Артуро Регини, его друг и ученик Джулио Паризе (1902-1970) и Юлиус Эвола организовали магическую группу, целью которой было собрать вместе предыдущий накопленный опыт, привлечь квалифицированных людей в различных городах, образуя «магические цепи», и ежемесячно публиковать результаты «магических исследований». Группа была названа «Ур», каковая фонема встречается и в халдейских, и в руническом памятниках (в первом случае она означает «огонь», во втором – «бык», а также созвездие Овна). Поскольку достаточно сложная и заслуживающая отдельного исследования история этого предприятия выходит за рамки данной статьи, мы остановимся лишь на тех моментах, которые имеют непосредственное отношение к исследованиям Эволы в области алхимии и, следовательно, к представляемому нами произведению.

Прежде всего, следует отметить, что в состав группы «Ур» входили несколько человек, одновременно являющихся членами ордена *Fratellanza Terapeutica Magica di Miriam*,[12] основанного Чиро Формизано, который более известен под псевдонимом Джулиано Креммерц (1861-1930). Ренато дель Понте в статье «Эвола и магическая группа Ур»[13] пишет, что, согласно некоторым устным свидетельствам, глава отделения «Ур» в Генуе был членом Братства Мириам, однако никаких документов на сей счёт не сохранилось, и имя этого человека до сих пор не известно. Однако, известны личности двух других членов упомянутого ордена, которые принимали участие в работе группы «Ур» и имели самое прямое отношение к идеям, изложенным в *Герметической традиции*. Один из них – Эрколе Квадрелли, член «Академии Виргилия», учреждённой Креммерцем, о котором – в отличие от других членов академии – ничего не известно, кроме того, что он имел отношение к самому эзотерическому ядру Братства Мириам. Он был, вне всяких сомнений, знатоком европейской алхимии самого высокого уровня, о чём можно судить хотя бы по его переводу классической работы *Chymica Vannus*, приписываемой Монте-Снидерсу,

и тем комментариям, коими он его сопроводил.[14] Квадрелли консультировал Эволу в вопросах алхимии и публиковал статьи в журнале «Ур» под псевдонимом Абраксас. В частности, его перу принадлежит блестящее эссе «Знание Вод», вошедшее в первый том *Introduzione alla Magia.* Другой, не менее загадочной и не менее важной фигурой, является Франческо Олива, католический священник, также имевший доступ ко внутренним документам Братства Мириам и обладавший глубокими познаниями в области алхимии, причём не только европейской.[15] Их взаимоотношения с Эволой были настолько доверительными, что падре Олива предоставил ему в пользование закрытый «Манускрипт D», который Эвола цитирует в своей работе.

В числе других влияний следует упомянуть знакомство Эволы с представителем индийской школы алхимии Нараяной Свами Айяром Шияли, которое состоялось в конце 1929 года. Нараяна Свами предоставил ему дополнительную информацию об использовании некоторых химических субстанций, кои соответствуют разным алхимическим путям в соответствии с Раса-Видья. Эвола также опубликовал его эссе под названием «Трансмутация человека и металлов» в третьем томе *Introduzione alla Magia.* Помимо этого, в конце двадцатых годов Эвола активно занимался изучением даосской алхимической традиции и выполнил перевод на итальянский язык работы Лу Куан Юя, опубликованный намного позднее.[16]

Наконец, последней биографической деталью, которую хотелось бы привести, является наиболее малоизученный и упоминаемый самим Эволой лишь вскользь[17] эпизод (точнее, эпизоды – их несколько), когда он инкогнито служил послушником в монастыре Шартра, монастыре кармелитов и бенедиктинском монастыре старого обряда, каковые эпизоды имели место, начиная с 1930 года.

Приведённые выше факты, которые, казалось бы, носят чисто «исторический» характер, на самом деле могут помочь понять позицию Эволы, с каковой он подошёл к написанию *Герметической традиции*, а также определить место этой книги в европейской алхимической литературе. Как мы видим, Эвола имел возможность посмотреть на герметику с точки зрения последователя пифагорейской школы Артуро Регини (каковая, вероятно, наиболее соответствует «основному руслу» европейской алхимии), с точки зрения тантрика, с точки зрения древней латинской магической школы, кою представляет Братство Мириам, а также с точки зрения христианской эзотерики

и даосской алхимической традиции. Как показывает даже самый беглый взгляд на использованную библиографию, Эвола рассматривал алхимию в контексте других магических дисциплин; в частности, он много ссылается на классическую работу Корнелия Агриппы *De Occulta Philisophia.* Также велико число ссылок на труды христианского мистика Якоба Бёме и на классический индуистский текст царского посвящения *Бхагават-Гита.* Однако, существует произведение, которое, вероятно, оказало на него наибольшее влияние среди всех остальных письменных источников – редкая работа итальянского автора Чезаре делла Ривьера *Магический мир героев.*[18] Это, несомненно, заслуживающее самого пристального внимания произведение, по непонятным причинам игнорируемое современными исследователями, представляет алхимическое делание именно в аспекте царской инициации, причём с упором на философию неоплатоников, что в точности отвечает духу Эволы. Другим, не менее редким и не менее интересным автором, которого часто цитирует Эвола – естественно, помимо традиционных алхимических авторитетов, вроде Артефия, Василия Валентина и Фламеля, – является другой алхимик XVII века: Джованни Брачческо, каноник из Бреши, последователь Гебера.

Итак, если мы абстрагируемся от сложившейся в Европе, начиная с периода Ренессанса, традиции (точнее, обычая) связывать алхимические работы с профанной химией и её системой взглядов, а также с христианской теологией и иудейской каббалой, мы сможем увидеть, что представленная Эволой концепция Великого Делания является наиболее «интегральной» и близкой к подлинной герметической традиции из всех работ современных авторов, идентичность которых известна. Его книга уникальна в том отношении, что эксплицитно представляет читателю верхнюю иерархическую составляющую алхимии, духовное Делание, как основу (согласно Традиции, основа всегда находится вверху, а не внизу иерархической цепочки), лишь *частным случаем* проявления которой является «лабораторное делание» и трансмутация химических элементов – равно как и всякое другое применение алхимических достижений на феноменальном плане. «На самом деле, – пишет Эвола в автобиографии, – речь идёт об инициатической науке, представляемой под маской химии и металлургии. Субстанции, о которых идёт речь в алхимических текстах, представляют собой символы сил и принципов, действующих в человеческом существе... Что же касается второстепенных аспектов, то,